

DOI: 10.31857/S013038640006355-8

© 2019 г. Е. А. ОСИПОВ

УМЕРЕННЫЙ ИСЛАМ ВО ФРАНЦИИ КАК ПЕРСПЕКТИВА ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

Осипов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15–18–00135–П.
E-mail: eaosipov@gmail.com*

Аннотация. В современной Франции наблюдаются две противоречивых тенденции. С одной стороны, развивается кризис религиозной и национальной идентичности, растет религиозный радикализм, особенно среди молодежи. С другой стороны, в последнее время в общественном дискурсе Пятой республики все активнее заявляют о себе представители умеренного французского ислама, не испытывающие проблем с интеграцией во французское общество и готовые противостоять радикальным религиозным течениям. Можно говорить не об исламе во Франции, а о французском исламе. В то же время формы реального представительства мусульман во Франции в настоящее время развиты слабо; мусульманский культ во Франции сильно зависит от иностранного финансирования (из Алжира, Марокко, Саудовской Аравии).

В статье анализируется позиция известных светских представителей умеренного ислама во Франции (Хаким эль Каруи, Лидия Гирус и др.). Акцент сделан на разоблачении некоторых мифов, демонизирующих французский ислам (например, преувеличение численности мусульман во Франции или радикально настроенных французских мусульман, рождаемости в мусульманских семьях, числа смешанных браков). Также излагается программа действий, которая, по мнению лидеров французского умеренного ислама, могла бы сгладить противоречие между тенденцией к распространению ислама во Франции и необходимостью сохранения светского характера государства, доказав, наконец, что ислам совместим с законами и ценностями Республики. Влияние умеренного ислама во Франции растет медленно, но неуклонно.

Ключевые слова: Франция, ислам, идентичность, интеграция, Хаким эль Каури, Лидия Гирус.

E. A. Osipov

Moderate Islam In France As A Perspective For Overcoming Identity Crisis

*Evgeny Osipov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: eaosipov@gmail.com*

Abstract. In modern France, we can see two conflicting trends. On the one hand, the development of the crisis of religious and national identity, the growth of religious radicalism, especially among young people. On the other hand, recently in the public discourse of the Fifth Republic, are becoming more noticeable the representatives of

moderate French Islam, who have no problems with integration into French society and are ready to withstand radical religious movements. We have reason to talk about no Islam in France but French Islam. At the same time the forms of real Muslims' representation are developed poorly in France; the Muslim cult in France depends heavily on the foreign financing (from Morocco, Algeria, Saudi Arabia).

The article analyzes the position of well-known secular representatives of moderate Islam in France (Hakim El Karoui, Lydia Guirous et al.). The emphasis is on exposing certain myths demonizing French Islam (for example, an overstatement of the number of Muslims in France or the number of radical French Muslims, the birth rate in Muslim families, the number of mixed marriages). A program of action is also presented, which, according to the leaders of French moderate Islam, could smooth out the contradiction between the tendency to spread Islam in France and the need to preserve the secular nature of the state, finally proving that Islam is compatible with republican laws and values. The influence of moderate Islam in France is growing slowly but surely.

Keywords: France, Islam, identity, integration, Hakim El Karoui, Lydia Guirous.

Постепенное распространение ислама в Европе — одна из самых популярных тем в современной журналистике, социологии, политологии. Наибольший интерес у исследователей в последние годы вызывает Франция, где проблемы сохранения национальной и религиозной идентичности постоянно находятся в центре общественной жизни. Между тем в Пятой республике сегодня наблюдаются две противоречивых тенденции. С одной стороны, действительно, растет религиозный радикализм, особенно среди молодежи. По результатам исследования, проведенного Национальным центром научных исследований (CNRS) и Институтом политических исследований (Sciences Po), среди старшеклассников-мусульман расстрел журналистов «Шарли Эбдо» в январе 2015 г. совершенно не осуждают 45% опрошенных, а теракты ноября 2015 г. в концертном зале «Батаклан» и на парижских улицах — 24%¹. С другой стороны, за последние несколько лет в ответ на активизацию деятельности в стране радикальных религиозных течений, прежде всего салафитов и «Братьев-мусульман», заметно возросла активность представителей умеренного французского ислама, считающих, что их религия совместима с республиканскими нормами, и готовых противостоять теоретикам фундаментализма. В статье речь пойдет о некоторых его ярких светских представителях, которые не занимают должностей в мусульманской духовной иерархии, но серьезно влияют на распространение своей религии во Франции, об их взглядах и программе действий.

Хаким эль Каруи — одна из самых заметных фигур современного французского ислама. Бывший советник премьер-министра Жан-Пьера Раффарена, сегодня он является экспертом в парижском Институте Монтеня, где отвечает за исламские исследования. Его книги широко известны, в одной из них он сформулировал тезис, который можно считать манифестом умеренного ислама: «Как француз я буду бороться за то, чтобы мусульмане могли исповедовать свою религию, в том числе и за то, чтобы женщины могли носить мусульманский платок в публичных местах... Но как мусульманин я борюсь за то, чтобы мои единоверцы оставили чрезмерно строгие и глубоко сексистские интерпретации исламистского фундаментализма. И я верю, что женщины в итоге откажутся от платков»².

Не менее известна и Лидия Гирус. Алжирка по происхождению, она давно и активно борется за права женщин, в том числе мусульманок, автор четырех книг, которые хорошо продаются по всей стране, с недавних пор еще и занимает пост пресс-атташе

¹ La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens. Paris, 2018, p. 188.

² Karoui el H. L'Islam, une religion française. Paris, 2018, p. 15.

правоцентристской политической партии «Республиканцы», что, кстати, не характерно для представителей мусульманского сообщества, обычно тяготеющего к левому политическому спектру. Учитывая ее молодость (родилась в 1984 г.) и широкую известность, перед ней сегодня открываются серьезные политические перспективы. Гирус считает религию внутренним делом каждого, а хиджабы на улицах Парижа называет «поражением Республики перед лицом религиозного коммунитаризма»³.

Также немалой популярностью обладают исламовед и эссеист Рашид Бензин и режиссер и сценарист Исмаэль Саиди. Их творчество ориентировано на молодых мусульман, они считают возможным развитие умеренного «европейского ислама», сопоставимого с демократическими и светскими принципами Западной Европы.

Чаще всего представители умеренного ислама пишут о демонизирующих ислам ложных представлениях, распространенных как среди этнических французов, так и среди самих французских мусульман. Один из таких мифов — численность мусульман во Франции. По данным разных социологических опросов, французы считают, что мусульман в стране от 15 до 20 млн (всего население Пятой республики составляет примерно 67 млн человек), в процентном соотношении — 31%⁴. В действительности их гораздо меньше. Согласно исследованию, проведенному Институтом Монтеня в 2016 г., во Франции 3,6 млн мусульман, живущих в стране не менее 15 лет и считающих себя мусульманами, 1,3 млн мусульман, живущих менее 15 лет в стране и также считающих себя мусульманами, 0,2 млн мусульман, проживающих на Майотте (заморский департамент), и 0,6 млн человек, у которых родители — мусульмане, но сами они себя к таковым не относят. В итоге всего мусульман (по вероисповеданию и по происхождению) во Франции — 5,7 млн человек (по данным газеты «Фигаро» — больше 6 млн человек⁵), что составляет всего 8,6% населения страны, а никак не 31%. Правда, при этом в современной Франции ислам является самой практикуемой религией. Среди мусульман 2,5 млн человек регулярно посещают места культа, тогда как среди католиков, которых гораздо больше (33 млн) — всего 1,35 млн⁶.

Важной темой является и растущая популярность ислама, из-за чего число его новых приверженцев постоянно увеличивается. Французский писатель и политический деятель Рено Камю в 2010 г. ввел термин «великое замещение» (*Grand remplacement*)⁷. По сути, это праворадикальная теория заговора, основанная на идее постепенного замещения европейцев выходцами из Северной Африки. В медийном пространстве тезисы Камю активно поддерживают известный французский философ Эрик Земмур и Марин Ле Пен. Институт Монтеня разоблачает теорию «великого замещения» как очередной миф — 15% из тех, у кого родители — мусульмане, не считают себя таковыми, в то время как процент мусульман, у кого ни один из родителей не исповедует ислам, составляет всего 7,5%. Т.е. в действительности во Франции чаще «уходят» от ислама, чем «приходят» к нему⁸.

Схожая ситуация наблюдается и в вопросе о рождаемости среди мусульман. Часто считается, будто в мусульманских семьях в среднем значительно больше детей, что и приводит к быстрому увеличению численности исламского населения в мире. Однако еще в 90-х годах XX в. демограф Лоран Тульмон показал, что рождаемость среди мусульманских женщин ненамного выше средней по региону, в котором они

³ *Guirous L.* Allah est grand, la République aussi. Paris, 2014, p. 12.

⁴ *Finchelstein G.* Piège d'identité. Réflexions (inquiètes) sur la gauche, la droite et la démocratie. Paris, 2016, p. 14.

⁵ *Le Figaro*, 5.VI.2019.

⁶ *Karoui el H.* L'Islam, une religion française, p. 25, 48.

⁷ *Camus R.* Le Grand Remplacement. Introduction au remplacisme global. Paris, 2017.

⁸ *Karoui el H.* L'Islam, une religion française, p. 26–27.

проживают. Так, в 1991–1998 гг. в африканских странах в среднем было 5,9 ребенка на одну женщину, в то время как среди африканок, живших во Франции – всего 2,86⁹. Что же касается известных и часто цитируемых статистических данных, согласно которым каждый шестой ребенок, появившийся на свет во Франции, рожден от иммигрантки, то это объясняется не высокой рождаемостью, а низким средним возрастом мигрантов (35 лет), большая часть из которых находится в фертильном возрасте¹⁰.

Противоречивая ситуация сложилась и со смешанными браками. Традиционно считается, что женщины мусульманского происхождения редко выходят замуж за немусульман. Однако Хаким эль Каруи пишет о 30% африканок, создавших семью с этническими французами¹¹. По данным исследования 2006 г. 69% французских мусульман положительно относятся к смешанным бракам¹². Таким образом, Франция еще очень далека от «великого замещения». Численность французских мусульман, правда, неизменно увеличивается, но происходит это гораздо медленнее, чем кажется среднему французу.

Во Франции также распространено мнение, что большинство мусульман, проживающих в стране, являются мигрантами. Часто можно услышать, особенно в ходе политических дебатов, о проблеме нелегальной и неконтролируемой миграции. На самом же деле 75% мусульман, проживающих на территории страны, являются гражданами Пятой республики, а 51% из них родились во Франции¹³. Таким образом, на данный момент можно уже справедливо говорить не об исламе во Франции, а о французском исламе, который не только существует и развивается, но и, как было сказано выше, является самой практикуемой религией в стране.

Одна из самых актуальных тем в современной Франции касается содержания Корана, что имеет принципиальное значение для мусульман. И речь идет не только о различных трактовках сур Корана, но и просто о наличии тех или иных норм, правил и запретов в священном тексте. Мусульмане, так же как и христиане или представители других религий, зачастую плохо знают священные тексты, что открывает простор для фундаменталистских толкований. По результатам социологических опросов 30% французских мусульман никогда не читали Коран, а 26% делают это редко¹⁴. Сегодня представители умеренного ислама во Франции пытаются на доступном уровне рассказывать о Коране. Рашид Бензин и Исмаэль Саиди написали в 2017 г. ставшую популярной книгу, которая так и называется: «Что же в итоге есть в Коране?» Главная ее идея состоит в том, что Коран написан в VII в. в Аравии, отражая реалии раннесредневекового арабского общества: «Мы не должны приступать к чтению Корана исходя из наших ценностей и нашего сегодняшнего видения. Великие тексты путешествуют во времени. Они пересекают века, иногда тысячелетия. Они представляют собой то, что из них делают люди каждой эпохи... Чтобы понять Коран, нужно помнить о трех главных вещах: времени создания Корана, месте его создания и группе людей, к которой он обращен». Авторы объясняют, что многие спорные вопросы, такие, например, как права женщин, отношение к евреям, необходимость священной войны, находят свое логичное объяснение, если помнить, что текст относится к VII в. и к территории Аравии. Например, про священную войну они пишут следующее: «Прежде всего слово “джихад” предшествует по времени Корану. Оно появилось не в тексте

⁹ *Toulemon L.* La fécondité des immigrées: nouvelles données, nouvelle approche. – *Population et Sociétés*, № 400, 2004, p. 2–4.

¹⁰ *Karoui el H.* L'Islam, une religion française, p. 31.

¹¹ *Ibid.*, p. 30.

¹² *La France en chiffres.* Paris, 2015, p. 238.

¹³ *Karoui el H.* L'Islam, une religion française, p. 28.

¹⁴ *La France en chiffres,* p. 238.

Корана. И это не мусульманский, а арабский термин... который означает на арабском языке “приложи все свои усилия” или “сделай все” для достижения результата... В Коране же упоминание “джихада” означает не что иное, как призыв поддержать проект Мухаммеда... Это очень далеко от “священной войны”, о которой говорят сегодня. Джихад в Коране используется как средство помощи Пророку быть признанным среди своих и распространить свое учение... Учение его сегодня распространено, и нет больше причин объявлять джихад»¹⁵. Очевидно, что подобная трактовка Корана идет вразрез с исламским фундаментализмом.

Как и в других мировых религиях, в современном исламе обрядовая часть вытесняет содержательную, догматическую. Именно поэтому в центре дискуссии стоят вопросы, связанные с ношением религиозной одежды и употреблением продуктов питания халяль. Во Франции сегодня 65% мусульман выступают за регулярное ношение хиджаба женщинами, а 24% поддерживают идею ношения никаба, полностью закрывающего лицо женщины. Интересно, что распространенные в Европе представления о том, будто женщины носят хиджаб под давлением мужчин, не подтверждается статистикой. По ее данным женщины в этом вопросе более консервативны (70% за ношение хиджаба), чем мужчины (58%). Что касается продуктов халяль, то 70% мусульман регулярно покупают подобные товары, 22% — делают это время от времени и только 6% — никогда. Важно, что более 40% французских мусульман¹⁶ считают приверженность халяльному питанию одной из главных обязанностей мусульманина, хотя в Коране ни продукты халяль, ни ношение хиджаба к таковым не относятся.

Обрядовой стороне жизни мусульман уделяют большое внимание радикальные, фундаменталистские течения, особенно салафиты и «Братья-мусульмане». Продукция халяль и религиозная одежда — это та символика, через которую и создается религиозный коммунитаризм, в котором радикальные течения имеют гораздо больше шансов на успех. Ключевым фактором в данном вопросе является статус и положение женщины.

Выше уже говорилось, что уровень рождаемости у мусульманских женщин падает после переезда в европейские страны. Стоит отметить, что падает он и в самом исламском мире. В Тунисе, например, рождаемость сейчас равна 2,1 ребенка на одну женщину, что в 2,5 раза меньше, чем 30 лет назад. В Саудовской Аравии на рубеже XX—XXI вв. было 4,5 ребенка на одну женщину, сейчас — 2,9. Падает и число мусульманок, выходящих замуж в возрасте до 20 лет. В Алжире этот показатель упал с 86% для поколения 1950-х годов до 24% для поколения 1970-х годов, в Саудовской Аравии — с 83 до 29%. В целом в настоящий момент в исламских странах происходит серьезное изменение положения женщины в обществе. Например, число женщин, обучающихся в университетах, выросло во всех мусульманских странах в среднем в 10–15 раз. От Марокко до Индонезии сегодня процент женщин в университетах составляет 40–65%¹⁷. Все это приводит к подлинной трансформации общества в исламских странах, прежде всего к изменению традиционной исламской семьи, основанной на солидарности между братьями. Средний показатель рождаемости в два ребенка на семью создает риск отсутствия мальчиков в семье. А резкое увеличение числа женщин в университетах меняет внутрисемейную иерархию: женщины становятся более образованными, чем отцы, и начинают зарабатывать столько же, сколько и мужья. По мнению Хакима эль Каруи, именно быстрое развитие мусульманских обществ и стало причиной резкого роста популярности традиционалистских, исламистских течений: «Исламизм только в 1970–1980-х годах становится массовым движением. Мы считаем, что его популярность — парадоксальный результат чрезвычайно быстрой модернизации арабских

¹⁵ Benzine R., Saidi I. Finalement, il y a quoi dans le Coran? Clamecy, 2017, p. 13–14, 43–44, 49.

¹⁶ Karoui el H. L'Islam, une religion française, p. 49, 79.

¹⁷ Ibid., p. 108.

обществ, выраженной в изменении положения женщины, снижении рождаемости или в увеличении количества женщин, получающих среднее и высшее образование. Именно в момент, когда произошла быстрая трансформация общества, или когда даже структура семейных связей и отношений между полами была поставлена под вопрос, исламизм стал массовой идеологией». Исламизм, таким образом, оказался формой консерватизма, дав сторонникам традиционного взгляда на исламское общество простые ответы на вопросы, порожденные ускоренной модернизацией¹⁸.

Статус и положение женщины в мусульманских странах и в исламском сообществе в европейских странах становится сегодня камнем преткновения в отношениях между умеренными и радикальными мусульманскими движениями. В условиях изменения традиционной, патриархальной семьи исламистские течения пытаются оказывать наибольшее давление именно на мусульманок, особенно на молодых девушек. Лидия Гирус, сама испытавшая подобное давление, подробно рассказывает, как работают радикальные группировки в школах, колледжах, лицеях. Она описывает, что девушки мусульманского вероисповедания, отказывающиеся носить религиозную одежду, подвергаются травле, их называют «предательницами» и «неверными». Лидия Гирус, как уже говорилось, активно участвует в борьбе за права женщин и в 2010 г. основала ассоциацию «Будущее за женщинами», которая сегодня является одной из самых известных феминистских организаций Франции. Что же касается религиозной одежды, то хиджаб Гирус называет «абсолютным символом подчинения женщин мужчине», «отказом от прогресса»¹⁹. Уже в названии одной из ее книг — «Это не имеет ничего общего с исламом?»²⁰ — фокусируется внимание на отсутствии в Коране строгой регламентации в отношении одежды. Если говорить о статистике, то и в случае с религиозной одеждой она тоже противоречива. Выше уже говорилось, что в целом за ношение хиджаба выступают 65% французских мусульман. Однако регулярно его носит всего 23% французских мусульманок²¹. Так что борьба между умеренным и радикальным исламом в этом вопросе продолжается.

Один из наиболее чувствительных вопросов во Франции касается численности радикальных мусульман в стране. Совсем недавно, в июне 2019 г. были опубликованы результаты парламентского расследования, проводившегося двумя депутатами Национальной ассамблеи (парламента): Эрик Диар («Республиканцы») и Эрик Пуйе («Республика на марше»). На протяжении семи месяцев они изучали феномен исламизма. Результаты расследования стали громкой сенсацией и широко комментировались по всей стране. Оказалось, что правоохранительным органам известно о 21 039 находящихся на территории страны радикалах, которые могут иметь отношение к террористическим группировкам. Из них более 10 тыс. человек активны и продолжают свою радикальную деятельность. Более того, из них 1500 человек работает на должностях стратегического характера или связаны с контактами с большим числом людей, что резко повышает потенциальную террористическую угрозу. Особую обеспокоенность организаторов парламентского расследования вызвало то, что 80 человек, чей опасный для общества радикализм известен полиции, работают в парижских аэропортах и имеют доступ в закрытые и особенно «чувствительные» для обеспечения безопасности зоны аэропорта²².

¹⁸ *Karoui el H.* La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris, 2018, p. 15.

¹⁹ *Guirous L.* Allah est grand, la République aussi, p. 12–13, 208.

²⁰ *Guirous L.* «Ca n'a rien à voir avec l'Islam?». Face à l'islamisme réveillons-nous, réveillez-vous! Paris, 2017.

²¹ *Karoui el H.* L'Islam, une religion française, p. 49.

²² *Le Figaro*, 26.VI.2019.

Если говорить не о потенциальном терроризме, что является крайней и очень редкой формой выражения радикализма, а в целом о распространении радикальных религиозных течений, то проведенное в 2016 г. Институтом Монтеня исследование показывает, что среди всех французских мусульман около 28%²³ являются приверженцами радикальных религиозных или религиозно-политических воззрений. Цифра в 28% противоречива, как и все, что связано с религиозным радикализмом. С одной стороны, исследование Института Монтеня подтверждает, что в подавляющем большинстве французские мусульмане не являются радикалами и не имеют проблем с интеграцией во французское общество, о чем постоянно говорят лидеры умеренного французского ислама. Кстати, то же исследование показывает, что 2/3 французских мусульман живет вовсе не в проблемных пригородах крупных городов. Это частично опровергает еще один миф о французском исламе. С другой стороны, цифра в 28% означает, что в стране на постоянной основе проживают 1,5 млн человек, чьи взгляды очень далеки от республиканских норм и ценностей. Так, большая часть из них считает, что шариат имеет приоритет перед законами Республики. Добавим также, что цифра в 28% является приблизительной, а методология подсчетов вызывает некоторые сомнения. Например, среди тех, кто по результатам исследования 2016 г. сочтен умеренным мусульманином, 57% выступают за отмену закона 2004 г. о запрете религиозной одежды в школах, а 12%, что еще более показательно, ставят шариат выше законов Республики²⁴. Подобные взгляды вряд ли можно отнести к умеренным.

Представители умеренного ислама во Франции не только говорят о проблемах и мифах, но и предлагают программу конкретных действий по выходу из сложившейся кризисной ситуации. Во многом их предложения совпадают с выводами разных государственных и негосударственных комиссий и ассоциаций, работавших в последние несколько десятилетий над проблемой упрощения интеграции мусульман во французское общество и противодействия религиозному и политическому экстремизму. Чаше всего говорят о двух самых важных и связанных между собой проблемах: отсутствие организаций, реально представляющих (или объединяющих) мусульман в стране и зависимость французского ислама от иностранных государств.

Что касается представительства, то попытки создать организацию, которая объединяла бы большинство французских мусульман, предпринимались неоднократно, но ни одна из них не имела успеха. Связано это как с субъективными причинами, например, с противоречиями между разными мусульманскими странами, курировавшими эти организации, или с ошибками государственной власти, которая создавала структуры, не имевшие серьезного влияния на местах²⁵, так и объективными трудностями: большинство французских мусульман — сунниты, а суннизм не предполагает верховного лидерства, централизации, что затрудняет создание больших объединений. Достаточно сказать, что наиболее влиятельное объединение французских мусульман — Французский совет мусульманского культа — известно сегодня всего 1/3 французских мусульман, и только 9% из них считают себя ее частью²⁶.

В 2016 г. была сделана очередная попытка по созданию большой исламской организации. На этот раз речь идет о Фонде в поддержку ислама Франции (Fondation pour islam de France, FIF) во главе с бывшим президентом Большой мечети Парижа Галебом

²³ Karoui el H. La fabrique de l'islamisme, p. 428.

²⁴ Karoui el H. L'Islam, une religion française, p. 36, 57.

²⁵ Осунгов Е. А. Франция. 1983—1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке. — Электронный научно-образовательный журнал «История», 2017, т. 8, вып. 9(63). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (дата обращения: 24.07.2019).

²⁶ Karoui el H. L'Islam, une religion française, p. 238.

Беншейхом. Почетным президентом организации является видный французский политик Жан-Пьер Шевенман, один из основателей современной Социалистической партии Франции, занимавший в свое время посты министра образования, обороны и внутренних дел. Сегодня в FIF входят известные имамы, исламоведы, общественные деятели, причем не только мусульманского вероисповедания. Важно, что из 46 человек, входящих в его руководящие структуры, — 16 женщин. В целом на сегодняшний день эта организация способствует продвижению умеренного ислама в стране, но она пока только в начале пути.

Отсутствие организаций, представляющих французских мусульман, затрудняет выработку эффективной национальной политики по исламскому вопросу. А зависимость французского ислама от иностранных государств еще больше осложняет задачу. На сегодняшний день именно иностранные государства финансируют мусульманский культ в Пятой республике. Например, Марокко тратит 6 млн евро в год на строительство и содержание мечетей во Франции, значительные суммы поступают также из Алжира и Саудовской Аравии²⁷. Главная мечеть в стране — Большая парижская мечеть — существует в основном на алжирские деньги (2 млн евро в год)²⁸. Иностранное влияние прослеживается не только через финансирование, но и через имамов, действующих на территории Франции: многие из них представляют другие страны. В 1990 г. из 500 имамов, работавших тогда на постоянной основе в стране, только 4% являлись гражданами Пятой республики, самое же большое влияние в этой области было (40%) и остается сегодня у Марокко, на втором месте Алжир (25%) На сегодняшний день ситуация улучшилась, примерно 30% имамов, работающих на территории Франции, имеют французский паспорт²⁹. Уже много лет во Франции религиозные и общественные деятели говорят, что для борьбы с религиозной радикализацией и иностранным влиянием на французских мусульман необходимо добиться того, чтобы имамы, осуществляющие свою деятельность в стране, являлись бы французами по паспорту, а французский язык был их родным, и желательно, чтобы религиозное образование они получали во французских университетах. Однако это на данный момент невозможно. Франция — светская страна, и финансирование религиозных культов за государственный счет, в том числе обучение священнослужителей в университетах, запрещено законом. Но у этого правила есть исключения.

В современной Франции примерно 4,1 млн человек (6,1% населения страны) живут там, где государство официально признает и финансирует четыре религиозных культа (ислам в это число не входит), а в государственных школах в обязательном порядке один час в неделю отведен на религию. Такая ситуация сложилась во многих заморских департаментах, но самое главное — в Эльзасе и Мозеле (бывшая Лотарингия). Эти земли вернулись в состав Франции уже после того, как на остальной территории был принят закон об отделении Церкви от государства (1905 г.), и после возвращения Эльзаса и Мозеля в состав Франции закон не распространился на них. В итоге сегодня на этих территориях священники, пасторы и раввины обучаются и получают зарплату за счет бюджетных средств. Но все это не касается имамов, так как в то время, когда принимались основные религиозные законы в стране, ислам еще не был распространной во Франции религией. До сих пор существование мусульманского культа в Пятой республике никак не урегулировано на законодательном уровне. Очевидно,

²⁷ Les Echos, 12.IV.2018.

²⁸ Le Figaro, 3.XII.2015.

²⁹ Осипов Е. А. Французский мультикультурализм на примере деятельности Высшего совета по интеграции (1990–2012). — Электронный научно-образовательный журнал «История», 2018, т. 9, вып. 8(72). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002458-2-1/> (дата обращения: 16.07.2019).

что Эльзас и Лотарингия, в особенности речь идет о Страсбурге с его многочисленными университетами, в состоянии готовить французских имамов, которые впоследствии работали бы по всей стране. Государство могло бы таким образом контролировать отправление мусульманского культа и бороться с радикализацией. Для этого нужно включить ислам в число разрешенных и признанных в стране культов, однако на данный момент государство не пошло на такой шаг, хотя исламское сообщество оказывает серьезное давление на президента Э. Макрона.

Чтобы решить перечисленные проблемы, прежде всего необходимо, с одной стороны, ограничить финансирование французского ислама иностранными государствами, о чем часто говорят в последние годы не только общественные деятели, но и высокопоставленные политики. С другой стороны, нужно найти средства, чтобы сделать французский ислам финансово независимым и способным противостоять иностранному влиянию. Как считает Хаким эль Каруи, лучший способ состоит в том, чтобы сами мусульмане через свои повседневные траты финансировали развитие исламского культа. Так, например, рынок халяльной продукции по оценкам некоторых экспертов составляет во Франции 5 млрд евро в год. Введение небольшого налога на нее в пользу мусульманских организаций могло бы, по мнению эль Каруи, решить проблемы финансирования культа. Однако необходимо учитывать, что по числу налогов Франция занимает одно из первых мест в мире, и введение новых налогов обычно не встречает понимания основной массы населения.

Помимо выше перечисленных вопросов государственного значения французские мусульмане говорят и о более частных задачах, реализация которых не требует больших усилий и затрат со стороны государства. Так, важен вопрос изучения языков в школе. Представители умеренного французского ислама постоянно подчеркивают значимость французского языка как главного фактора успешной интеграции мусульман, особенно молодого поколения.

Интересным является вопрос и о так называемой позитивной дискриминации — достаточно распространенной во Франции практике, при которой этнические и религиозные меньшинства получают привилегии при поступлении в университеты, в том числе самые престижные, и приеме на работу. Подобные действия, по своей сути, направлены как раз на поддержку меньшинств, прежде всего мусульман. Однако, например, Лидия Гирус является последовательным противником позитивной дискриминации и считает, что ее необходимо отменить. Она считает, что «позитивная дискриминация дает повод сомневаться в легитимности большинства дипломов мигрантов, превращая их в дипломы второго сорта»³⁰. В конечном счете позитивная дискриминация, искусственно упрощающая жизнь некоторым представителям этнических и религиозных меньшинств, в действительности только осложняет отношения между коренными и некоренными французами.

В целом представители умеренного французского ислама предлагают программу действий, которая, по их мнению, могла бы привести к снижению религиозного радикализма среди молодежи, к взаимному отходу как от исламофобии, так и от постоянной критики западных ценностей, и в конечном счете к сближению французских мусульман с Республикой, что само по себе будет означать, что ислам совместим с республиканскими принципами светскости и может по праву считаться одной из основных религий во Франции. Представителям умеренного ислама сложно бороться с набирающими популярность радикальными религиозными течениями, прежде всего салафитского толка, однако их влияние за последние несколько лет значительно выросло, причем не только в медийном пространстве, но и, что особенно важно, внутри мусульманского сообщества Франции.

³⁰ *Guirous L.* Allah est grand, la République aussi, p. 169.

Библиография

Осипов Е. А. Франция. 1983–1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке. – Электронный научно-образовательный журнал «История», 2017, т. 8, вып. 9 (63). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (дата обращения: 24.07.2019).

Осипов Е. А. Французский мультикультурализм на примере деятельности Высшего совета по интеграции (1990–2012). – Электронный научно-образовательный журнал «История», т. 9, вып. 8 (72), 2018. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002458-2-1/> (дата обращения: 16.07.2019).

Benzine R., Saidi I. Finalement, il y a quoi dans le Coran? Clamecy, 2017.

Camus R. Le Grand Remplacement. Introduction au remplacisme global. Paris, 2017.

Finchelstein G. Piège d'identité. Réflexions (inquiètes) sur la gauche, la droite et la démocratie. Paris, 2016.

Guirous L. Allah est grand, la République aussi. Paris, 2014.

Guirous L. «Ca n'a rien à voir avec l'Islam?». Face à l'islamisme réveillons-nous, réveillez-vous!. Paris, 2017.

Karoui el H. L'Islam, une religion française. Paris, 2018.

Karoui el H. La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris, 2018.

La France en chiffres. Paris, 2015.

La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens. Paris, 2018.

Toulemon L. La fécondité des immigrées: nouvelles données, nouvelle approche. – Population et Sociétés, 2004, № 400, p. 1–4.

References

Benzine R., Saidi I. Finalement, il y a quoi dans le Coran? Clamecy, 2017.

Camus R. Le Grand Remplacement. Introduction au remplacisme global. Paris, 2017.

Finchelstein G. Piège d'identité. Réflexions (inquiètes) sur la gauche, la droite et la démocratie. Paris, 2016.

Guirous L. Allah est grand, la République aussi. Paris, 2014.

Guirous L. «Ca n'a rien à voir avec l'Islam?». Face à l'islamisme réveillons-nous, réveillez-vous!. Paris, 2017.

Karoui el H. L'Islam, une religion française. Paris, 2018.

Karoui el H. La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris, 2018.

La France en chiffres. Paris, 2015.

La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens. Paris, 2018.

Osipov E. A. France. 1983–1989. From the March for Equality to the Case of the Muslim Scarf. – Electronic Journal of Science Education «History», v. 8, issue 9 (63), 2017. Access only to registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (accessed 24.07.2019). (In Russ.)

Osipov E. A. French Multiculturalism on the Example of the Activities of the High Council for Integration (1990–2012). – Electronic Journal of Science Education «History», v. 9, issue 8 (72), 2018. Access only to registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840002458-2-1/> (accessed 16.07.2019). (In Russ.)

Toulemon L. La fécondité des immigrées: nouvelles données, nouvelle approche. – Population et Sociétés, 2004, № 400, p. 1–4.